

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINAL LAW PROBLEMS OF MODERN CRIME COUNTERACTING

Научная статья

УДК 341.9; 343.9.018.3

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(1).47-56

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПЛАТФОРМИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Р.И. Дремлюга, А.И. Коробеев

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

12 октября 2021 г.

Дата принятия в печать

18 февраля 2022 г.

Дата онлайн-размещения

11 марта 2022 г.

Ключевые слова

Платформизация;
киберпреступление; автономные
сетевые платформы;
криминализация; искусственный
интеллект; цифровая экономика;
криптовалюты

Финансирование

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 18-29-16129

Аннотация. Переход к цифровой экономике зачастую связывают прежде всего с переводом экономической деятельности на онлайн-платформы. Такая трансформация в научной литературе обозначается как платформизация. Отношения по поводу использования глобальных и национальных платформ являются совершенно новыми. Зачастую платформы создаются с использованием технологий искусственного интеллекта и распределенного реестра. Переход на платформы в экономике ставит перед правительствами стран вопрос разработки собственной эффективной уголовно-правовой политики, так как возникают новые отношения, касающиеся применения сетевых платформ, которые требуют уголовно-правовой охраны. Особенное опасение вызывает создание сетевых платформ, предназначенных для осуществления преступной деятельности. Платформа для осуществления преступной деятельности — это особая форма организации компьютерной информации, которая структурирована таким образом, чтобы повысить эффективность взаимодействия различных групп лиц, заинтересованных в совершении преступлений того или иного вида. Данное общественно опасное деяние не отражено в российском уголовном законодательстве в качестве самостоятельного состава преступления. Методология исследования включает анализ вопроса криминализации создания и обеспечения работы сетевых платформ для осуществления преступной деятельности через призму оснований криминализации, выработанных в доктрине уголовного права. В качестве оснований криминализации используются три группы факторов: юридико-криминологические, социально-экономические и социально-психологические. Основное внимание в работе уделено рассмотрению юридико-криминологических оснований, таких как степень общественной опасности, относительная распространенность деяний и их типичность, динамика деяний с учетом причин и условий, их порождающих, возможность воздействия на эти деяния уголовно-правовыми мерами, возможности системы уголовной юстиции. В результате проведенного анализа выявлено, что криминализация создания и обеспечения работы сетевых платформ для осуществления преступной деятельности отвечает юридико-криминологическим, социально-экономическим и социально-психологическим критериям.

Original article

CRIMINAL LAW POLICY IN COUNTERACTING THE USE OF NETWORKING PLATFORMS FOR CRIMINAL ACTIVITY

Roman I. Dremluga, Alexander I. Korobeev

Far Eastern Federal University, Vladivostok, the Russian Federation

Article info

Received

2021 October 12

Accepted

2022 February 18

Abstract. The transition to the digital economy is often primarily associated with the transfer of economic activities to online platforms. Researchers often call such a transition platformization. The use of global and national platforms gives rise to a completely new type of relationships. Platforms are often created with the use of AI and distributed register technologies. In the economic sphere, the transition to plat-

Available online
2022 March 11

Keywords

Platformization; cybercrime;
autonomous network platforms;
criminalization; artificial intelligence;
digital economy; cryptocurrencies

Acknowledgements

The reported study was funded
by RFBR within the research project
№ 18-29-16129

forms requires the national governments to develop an effective criminal law policy because the emerging relationships in the use of networking platforms need criminal law protection. A special cause for concern is the creation of platforms used for criminal activities. A platform for criminal activities is a special form of organizing computer information specifically structured to enhance the effectiveness of interactions between different groups of people involved in committing crimes. This publicly dangerous action is not reflected in Russian criminal legislation as an independent crime. Research methodology includes the analysis of criminalizing the creation and operation of networking platforms that are used for criminal activities from the standpoint of grounds for criminalization in the doctrine of criminal law. Three groups of factors act as grounds for criminalization: legal-criminological, socio-economic and socio-psychological. The presented work mainly focuses on the analysis of legal-psychological grounds, such as the degree of public danger, relative prevalence of such actions and their typicality, dynamics of actions in terms of the causes and conditions giving rise to them, the possibility of using criminal law measures to influence these actions, the potential of the system of criminal justice. The conducted analysis showed that the criminalization of the creation of support of networking platforms used for criminal activity corresponds to legal-criminological, socio-economic and socio-psychological criteria.

В настоящее время в доктрине и нормативных документах цифровая экономика определяется по-разному. Так, согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, цифровая экономика — это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг¹. А в программе «Цифровая экономика Российской Федерации» формирование новой экономики подразумевает создание условий для формирования общества, функционирующего на основе информационно-коммуникационных технологий, повышение благосостояния и качества жизни граждан нашей страны путем повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных в условиях цифровой экономики с использованием современных цифровых технологий, повышения степени информированности и цифровой грамотности, улучшения доступности и качества государственных услуг для граждан, а также обеспечения их безопасности как внутри страны, так и за ее пределами². Как бы то ни

было, переход к цифровой экономике есть ключевой социальноэкономический процесс, отражающий трансформацию общества и хозяйственной деятельности в последние годы.

Многие авторы отмечают, что основная характеристика цифровой экономики — высокая связность [1]. Например, продавец и потребитель связаны напрямую через цифровые платформы, в отличие от старой модели со строгой иерархией, где товар закупался оптовыми продавцами, потом распространялся в розницу и уже после покупался конечным потребителем. В условиях цифровой экономики любое заинтересованное лицо может заказать товар напрямую от производителя в любой точке мира. Такой подход усиливает конкурентную борьбу на рынках товаров и услуг, а также дает доступ на глобальные рынки каждому потребителю. Иногда переход экономической деятельности на онлайн-платформы упоминается в научной литературе как платформизация [2].

Отношения по поводу использования глобальных и национальных платформ являются совершенно новыми. Зачастую платформы создаются с применением технологий искусственного интеллекта и распределенного реестра. Платформа служит связующим звеном между группами людей с различными (продавец — покупатель) или сходными (пользователи социальной сети) интересами. Складывается практика, когда операторы таких цифровых платформ, активно влияя на взаимодействие их пользователей, не хотят нести за это ответственность. Согласно исследованиям, в настоящее время платформизации подвергаются разные сферы деятельности государства и общества. Напри-

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

² Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Там же. № 32. Ст. 5138.

мер, за рубежом активно переходит на платформы судебная деятельность [3].

Анализ соответствующих данных показывает, что переход на платформы является ключевой характеристикой цифровой экономики и информационного общества. Такие платформы могут быть самого разного характера: социальные сети (Facebook, «ВКонтакте», Instagram) [4], торговые площадки (Wildberries, Amazon, Alibaba), информационно-развлекательные (YouTube, TikTok), профессиональные (LinkedIn³) и многие другие.

Некоторые исследователи отмечают, что цифровая экономика эволюционирует в платформенную, причем платформенная экономика — это система хозяйствования, выделившаяся из цифровой экономики, основанная на деятельности онлайн-посредников, которые функционируют в виде интернет-платформ, дополняя традиционную экономику и обеспечивая специфическими методами процессы производства, распределения, обмена и потребления благ [5].

Платформизация усиливает эффект цифровизации по сокращению транзакционных издержек и монетизации выгод кооперации [6, с. 109], но то, что несет в себе преимущества для потребителя и владельца платформы, может создавать вызовы для правового регулирования. Переход на платформы в экономике ставит перед правительствами стран вопрос разработки собственной эффективной регуляторной политики в части организации бизнеса и извлечения экономической выгоды для национальной экономики от его развития [7, с. 194]. Данное утверждение справедливо и для уголовно-правовой политики, так как возникают новые отношения по поводу применения сетевых платформ, которые требуют уголовно-правовой охраны. Активно используются преимущества платформ и в преступной деятельности. Платформизация преступности несет те же эффекты, что и платформизация легальной деятельности [8, с. 60].

Платформа для осуществления преступной деятельности — это особая форма организации компьютерной информации, которая структурирована таким образом, чтобы повысить эффективность взаимодействия различных групп лиц, заинтересованных в совершении преступлений того или иного вида.

³ Доступ в России заблокирован Роскомнадзором из-за невыполнения требований федерального закона «О персональных данных».

Например, платформы могут повышать эффективность взаимодействия лиц, сбывающих наркотики, с лицами, потребляющими наркотики, путем предоставления гарантий, безопасной системы оплаты, рекламы, организации обратной связи с потребителем и ранжирования продавцов наркотиков по надежности поставок и качеству товара.

Как отмечают отдельные исследователи, ключевой проблемой уголовно-правовой борьбы с платформами для продажи наркотиков является то, что в основу их функционирования положен бесконтактный способ незаконного сбыта наркотических средств путем создания тайников (закладок) с активным использованием сети Интернет для обмена информацией о совершаемых преступлениях между соучастниками, общения с покупателями наркотических средств, получения электронных платежей за реализованные наркотические средства в качестве оплаты противоправных действий [9, с. 9–10].

На практике зачастую платформы размещаются в теневом сегменте Интернета. Darknet — это анонимная компьютерная сеть, в которой реальное местонахождение ее пользователей и создателей информационных ресурсов нет возможности отследить, а их данные защищены от перехвата. Из-за свойств сети в ней зачастую осуществляется незаконное распространение наркотиков, оружия, вредоносных программ, номеров кредитных карт и других нелегальных товаров и услуг.

Сайты Darknet недоступны с помощью обычных поисковых систем. Информация о нем не видна типичному пользователю сети Интернет. Лиц, использующих Darknet, сложно отследить в силу устройства данной сети, т.е. невозможно определить место и юрисдикцию, в которой находятся участники сети. Даже в странах, располагающих развитыми техническими и правовыми средствами контроля сети Интернет, пользователи Darknet свободно предлагают противоправные товары и услуги, в том числе наркотические средства и психотропные вещества [10].

По мнению некоторых исследователей, способ совершения деяния, связанный с использованием технических средств и позволяющий конспирировать преступную деятельность, повышает, и достаточно существенно, степень общественной опасности преступления [11, с. 63]. Таким образом, создание и обеспечение работы сетевых платформ для осуществления

преступной деятельности обладают потенциалом для криминализации.

Криминализация новых деяний должна происходить с учетом определенных объективно существующих оснований [12, с. 64–66]. Любые изменения, будь то включение новых норм, очерчивающих круг преступного, или исключение уголовной наказуемости деяния, требуют анализа правообразующих факторов, обуславливающих признание какого-либо деяния преступным.

Все основания криминализации деяний условно можно собрать в три группы: юридико-криминологические, социально-экономические и социально-психологические [12–16]. В группу юридико-криминологических оснований входят: 1) степень общественной опасности деяний; 2) относительная распространенность деяний и их типичность; 3) динамика деяний с учетом причин и условий, их порождающих; 4) возможность воздействия на эти деяния уголовно-правовыми мерами; 5) возможности системы уголовной юстиции [12, с. 66–80; 16, с. 106]. К социально-экономическим основаниям относятся: 1) причиняемый деяниями материальный и моральный ущерб; 2) отсутствие возможных побочных последствий уголовно-правового запрета; 3) наличие материальных ресурсов для реализации мер уголовно-правового характера [12, с. 80–83]. Социально-психологическими детерминантами криминализации являются: 1) определенный уровень общественного правосознания и психологии; 2) исторические и этнокультурные традиции [там же, с. 65; 15; 17, с. 108–109; 18, с. 50–51].

Ключевым основанием криминализации деяния выступает степень его общественной опасности. При этом данное основание криминализации прежде всего связано с объектом, на который посягает отклоняющееся поведение. Как было отмечено выше, сетевые платформы являются основой цифровой экономики и информационного общества, следовательно, их создание и поддержание их работы для осуществления преступной деятельности посягают на основы цифровой экономики и информационного общества. Такая деятельность, помимо прочего, формирует общественное неприятие самой идеи платформизации социоэкономических процессов. Противоправное использование сетевых платформ для осуществления преступной деятельности консолидирует в обществе силы, противостоящие цифровой трансформации экономики, общества и государства, что замедляет социоэкономическую модернизацию.

С учетом приоритетов развития современного российского общества и экономики степень общественной опасности рассматриваемых деяний представляется достаточно высокой.

Исследуемый вид девиантного поведения посягает на основы цифровой экономики и информационного общества. Государство неоднократно отмечало критическую значимость развития и правомерного использования цифровых платформ в различных сферах жизни общества — от здравоохранения до предоставления сервисов органов власти. Например, ключевым показателем успешной реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» является надежное функционирование не менее десяти отраслевых (индустриальных) цифровых платформ для основных предметных областей экономики (в том числе для цифрового здравоохранения, цифрового образования и «умного города»)⁴. С учетом изложенного следует признать, что создание и поддержание работы платформ для осуществления криминальной деятельности посягают на основы развития и формирования цифровой экономики.

Все вышесказанное подтверждает высокую степень общественной опасности деяний по созданию и поддержанию онлайн-платформ для осуществления преступной деятельности.

Несмотря на отсутствие официальных данных по рассматриваемому виду общественно опасного поведения, вспомогательные индикаторы позволяют оценить масштабы его распространенности. С помощью специальных поисковых систем Darknet было найдено большое количество русскоязычных платформ, работающих на российский рынок сбыта. Так, поисковая система OnionLand Seacrh выдала более 162 платформ по запросу «продажа наркотиков», система Not Evil — 89 ресурсов по такому же запросу, Torch — 113. По запросу «продажа номеров кредитных карт» поисковая система OnionLand Search нашла 368 ресурсов, система Not Evil — 137⁵. Таким образом, платформы для осуществления преступной деятельности достаточно распространены.

В Darknet размещены информационные ресурсы, на которых торгуют запрещенными наркотиками, фальшивыми документами и оружи-

⁴ Цифровая экономика Российской Федерации : программа : утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.

⁵ Срез проводился 9 февраля 2021 г.

ем. Darknet насчитывает более 8 тыс. терабайт информации (600 млрд отдельных документов), значительная часть которой имеет противоправный или аморальный характер [19, с. 195]. Судя по статистике, которую можно найти на таких платформах, на них заключается большое количество незаконных сделок. Например, 20 самых популярных магазинов на «Гидре» осуществили более 10 млн сделок по продаже нелегальных товаров (в основном наркотических средств и психотропных веществ).

Еще одним индикатором распространенности данного вида отклоняющегося поведения является судебная практика. Нередко использование платформ фигурирует в приговорах по уголовным делам. Например, в тексте приговора по делу № 1-219/2019 Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 19 июня 2019 г. упоминается, что лицо, привлекаемое по ст. 222 УК РФ, приобрело огнестрельное оружие (двуствольный обрез) через Darknet. Преступник вышел на продавца нелегального товара на одной из площадок, оплатил заказ и забрал его по адресу, названному в присланном ему сообщении. В приговоре также указано, что злоумышленник решился на покупку, осознавая, что на платформе Darknet, которая является законспирированной, общение происходит только под никами, т.е. анонимными вымышленными именами, через сквозное шифрование и сообщения нигде не сохраняются⁶.

Один из авторов данного исследования неоднократно проводил контент-анализ сайтов теневого сегмента Интернета [20; 21]. Несмотря на то что сложно оценить количественный и качественный состав пользователей таких сайтов в силу высокой анонимности, предоставляемой технологией, можно прийти к выводу, что востребованность платформ для осуществления нелегальной деятельности растет. Согласно статистике, в 2020 г. в России браузером Tor, который предназначен для выхода в Darknet, ежедневно пользовалось до 400 тыс. чел.⁷ Несколько лет назад эта цифра достигала только 250 тыс. чел. [22, с. 127].

Примером платформы в Darknet, которая упрощает деятельность преступного сообщества, является «Гидра». Данный ресурс предоставляет пользователю возможность оценить услугу, написать отзыв или пожаловаться на

некачественный товар. Сайт «Гидра» содержит разделы «Юридическая служба», «Наркологическая служба», «Вакансии» и т.д. «Гидра» — это не канал сбыта наркотических средств, а платформа в Darknet, облегчающая осуществление незаконной деятельности тысячам преступников (в основном продавцам наркотиков и поддельных документов). У каждого магазина на «Гидре» есть пользовательский рейтинг качества услуг. Одним из лидеров в этом рейтинге является магазин под названием «ЦУМ»⁸. Он предлагает работу лицам в качестве доставщиков наркотиков (на сленге — «кладменам») более чем в 30 городах России.

Несмотря на трудности в реализации уголовно-правового воздействия на лиц, создающих и администрирующих рассматриваемые платформы для осуществления преступной деятельности, подобные деяния обладают достаточной для их криминализации степенью общественной опасности. Данный вид отклоняющегося поведения причиняет значительный ущерб интересам, охраняемым правом, и обладает признаками, необходимыми для применения уголовно-правовых мер государственного принуждения.

Из анализа, проведенного в настоящей статье, следует, что воздействие на лиц, которые создают и поддерживают деятельность рассматриваемых платформ, другими мерами, например административными, не может быть признано эффективным. Как было отмечено выше, Darknet обеспечивает платформам устойчивость к блокировкам, а ответственных лиц зачастую возможно установить только в рамках следствия по уголовному делу.

Таким образом, создание и обеспечение работы сетевых платформ для осуществления преступной деятельности характеризуются наличием юридико-криминологических оснований для криминализации. Рассматриваемые деяния обладают необходимой степенью общественной опасности, достаточно распространены и типичны, а также демонстрируют угрожающую для общества динамику. Воздействие на данный вид девиантного поведения не уголовно-правовыми средствами представляется неэффективным.

С тем чтобы выявить социально-экономические основания для установления уголовно-

⁶ Приговор по делу № 1-219/2019 Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 19 июня 2019 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dfJkfbB9PSxW>.

⁷ URL: <https://metrics.torproject.org>.

⁸ На сайте указано, что магазин осуществил уже более 100 тыс. сделок. Правда это или нет, трудно установить (по состоянию на 5 августа 2021 г.).

правового запрета, прежде всего необходимо оценить материальный или моральный ущерб, причиняемый обществу. В рассмотренном выше приговоре по делу № 1-219/2019⁹ платформа не только выступила средством совершения преступления, но и обеспечила анонимность продавцу оружия. Текст приговора свидетельствует, что использование платформы обусловило уверенность преступника в его незаметности для правоохранительных органов. Создание и обеспечение работы сетевых платформ для осуществления преступной деятельности не только повышают вред, причиняемый конкретным преступлением, но и увеличивают масштаб ущерба, причиняемого преступной деятельностью в целом.

В рамках отдельных исследований установлено, что при осуществлении сделок на платформах у лиц, сбывающих и приобретающих запрещенные товары, создается ощущение, что они не совершают ничего противозаконного. Большинство пользователей платформ никогда бы не стали заниматься противоправной деятельностью в физическом мире, например не стали бы торговать наркотиками на улице [23]. Платформа значительно расширяет круг лиц, потенциально задействованных в уголовно наказуемой деятельности.

Использование платформ повышает экономическую эффективность преступной активности [24]. Платформа дает возможность расширить рынок сбыта запрещенных товаров и повысить конкурентоспособность данного рынка. Плата за нелегальный товар или услугу на платформе осуществляется в криптовалюте, поэтому данная экономическая активность остается вне контроля финансовых и налоговых органов.

Некоторые исследователи приходят к выводу, что отсутствие социального контроля за анонимной покупкой в Darknet и безнаказанность наркоторговцев стимулируют расширение нелегального рынка потребления наркотиков [25]. Использование платформ не только позволяет более эффективно находить лиц, потребляющих наркотики, но и приводит к увеличению охвата потребителей. Налицо негативный социально-экономический эффект от создания и поддержания онлайн-платформ для осуществления преступной деятельности.

Что касается социально-психологических оснований криминализации рассматриваемого

девиантного поведения, то, как справедливо отмечают некоторые авторы, отражение в общественном сознании степени опасности тех или иных преступлений может быть показателем актуальности проблемы преступности для населения, поскольку это восприятие в определенной степени зависит и от субъективной обеспокоенности граждан преступными проявлениями, непосредственно угрожающими их интересам и благополучию [26, с. 105].

По результатам проведенного нами исследования, платформы в Darknet, предоставляющие нелегальные товары и услуги (наркотики, номера банковских карт, информацию о гражданах и т.д.), по мнению 68 % респондентов, крайне опасны¹⁰. Не сильно опасными их считают 24 % опрошенных. Как неопасные их рассматривают менее 5 % испытуемых. Таким образом, большая часть респондентов считают, что платформы в Darknet представляют собой крайне опасное явление, создающее угрозу для современного общества. То есть создание платформ для осуществления преступной деятельности, хотя и стало достаточно распространенным явлением, не воспринимается как норма поведения. Результаты исследования подтверждают, что для криминализации рассматриваемого вида отклоняющегося поведения есть и социально-психологические основания [12, с. 87].

Следовательно, криминализация создания и обеспечения работы сетевых платформ для осуществления преступной деятельности отвечает юридико-криминологическим, социально-экономическим и социально-психологическим основаниям.

На первый взгляд, деяния такого рода могут рассматриваться как соучастие в преступлениях, ответственность за которые регламентирована отдельными статьями Уголовного кодекса, например ст. 228.1, 222, 273 и некоторыми другими. Следует поэтому дать оценку необходимости и целесообразности криминализации данного вида деяний также с позиции института соучастия в преступлении, чтобы избежать избыточных изменений в уголовном законодательстве.

Лицо, которое организует или создает площадку в Darknet, непосредственно не участвует в осуществлении сбыта наркотических средств, оружия или других товаров и услуг, оборот ко-

⁹ Приговор по делу № 1-219/2019 Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 19 июня 2019 г.

¹⁰ Были опрошены 337 респондентов, которые принадлежали трем группам (представители юридических профессий, специалисты в IT-сфере, работники сферы кибербезопасности).

торых ограничен или запрещен. Следовательно, такое лицо не может рассматриваться как соисполнитель данного вида деяний. Не может создатель и администратор платформы для незаконной деятельности расцениваться и как организатор, поскольку он фактически не занимается организацией совершения преступлений и не руководит их исполнением. Кроме того, такое лицо не создает организованную группу или преступное сообщество и не руководит ими. Наконец, действия создателя и (или) руководителя рассматриваемой платформы невозможно квалифицировать и как действия подстрекателя, так как он не пытается склонить других лиц к совершению преступления.

С некоторой долей условности данную деятельность можно расценивать как пособничество, поскольку фактически платформа дает возможность скрыть факт совершения преступления и его следы посредством анонимизации пользователя и осуществления платежей с помощью криптовалют. То есть платформа предоставляет лицам, сбывающим незаконные товары, необходимые средства для совершения преступлений и устраняет препятствия для совершения таких действий.

Рассматривать данную деятельность как пособничество можно, только не разобравшись в ее сути. Прямо или косвенно умысел создателя и организатора платформы направлен на максимизацию получаемого процента дохода от нелегальной деятельности других лиц. Тот факт, что такое поведение влечет за собой повышение эффективности преступной деятельности других лиц, лишь побочный результат функционирования описываемых площадок. Как мы уже отмечали выше, одной из характеристик платформы, отражающей общественную опасность деятельности по ее созданию и поддержанию ее работы, является беспрецедентно широкий охват продавцов и покупателей незаконных товаров. Задача подобной платформы — привлечь как можно больше пользователей, чтобы заработать на них. Платформы получают доход в виде отчислений с незаконных сделок или за счет рекламы.

На платформах реализуется обратная связь с потребителями товара с целью ранжирования продавцов по степени надежности. Крипторынки в автоматическом режиме аккумулируют информацию о предыдущих сделках и внешние оценки деятельности продавцов, выставленные покупателями товара, что не может рассматри-

ваться как пособничество. Создатель и администратор цифровой платформы фактически поддерживают экосистему для преступной деятельности, не влияя значительно на отдельные (конкретные) преступные деяния.

Создание и обеспечение работы таких платформ не могут рассматриваться как простое соучастие по отношению к деяниям, совершаемым с помощью платформы, так как отсутствует причинная связь между действиями соучастников и наступившим преступным результатом или общественно опасным деянием, характеризующим объективную сторону преступления. Как справедливо отмечается в доктрине, причинная связь при соучастии представляет собой феномен совокупного причинения (сопричинения), когда разнообразные, но взаимосвязанные преступные действия нескольких лиц образуют общую, единую причину наступления преступного результата [27, с. 109].

Умысел создателей платформ в сети направлен на максимизацию прибыли за счет привлечения все более широкого круга лиц на свою площадку. Благодаря повышению эффективности преступной деятельности организаторы платформ получают средства в виде комиссии с преступных операций, рекламы, аренды и другими способами.

Проведенный анализ показывает, что исследуемые общественно опасные деяния не могут рассматриваться как соучастие в незаконном сбыте наркотиков, оружия и т.п., ибо не обладают необходимыми для этого признаками. Следовательно, создание и поддержание площадки для нелегальной деятельности не могут квалифицироваться как организация совершения преступлений (например, сбыта наркотических средств и психотропных веществ), подстрекательство к совершению указанных деяний или пособничество в их совершении.

Криминализация организации платформ для осуществления преступной деятельности в качестве самостоятельного состава преступлений имеет под собой определенные уголовно-политические основания. Вышеизложенное позволяет поставить вопрос о возможности, допустимости и целесообразности включения в УК РФ специальных норм, предусматривающих ответственность за посягательства на цифровую экономику и информационное общество посредством создания и обеспечения работы сетевых платформ для осуществления преступной деятельности.

Как видим, использование платформ повышает степень общественной опасности преступлений, ответственность за которые уже регламентируется уголовным законодательством РФ. Платформа является средством, затрудняющим работу правоохранительных органов. Преступники сознательно выбирают платформы, которые повышают их шансы охватить широкую аудиторию потребителей незаконных товаров. Например, лиц, которые осуществляют сбыт наркотических и психотропных веществ посредством платформ, сложнее привлечь к ответственности, потому что платформа затрудняет установление личности преступника и доказы-

вание его виновности. Кроме того, использование платформ повышает уверенность преступника в своей безнаказанности. Отклоняющееся поведение с использованием платформ несет в себе большую общественную опасность, чем такое же поведение вне платформы. Следовательно, вопросом для дальнейшего рассмотрения может стать предложение по включению в составы преступлений (например, составы преступлений, связанных с террористической и экстремистской деятельностью, незаконным оборотом наркотиков и оружия) такого квалифицирующего признака, как совершение преступления с использованием сетевых платформ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Jin D.Y. The construction of platform imperialism in the globalization era / D.Y. Jin. — DOI 10.31269/triplec.v11i1.458 // TripleC: Communication, Capitalism & Critique. — 2013. — Vol. 11, no. 1. — P. 145–172.
2. Poell T. Platformisation / T. Poell, D. Nieborg, J. van Dijck. — DOI 10.14763/2019.4.1425 // Internet Policy Review. — 2019. — Vol. 8, iss. 4. — P. 1–13.
3. Харитонов Ю.С. Платформизация правосудия: опыт Китая и будущее судебных систем мира / Ю.С. Харитонов // Вестник арбитражной практики. — 2020. — № 3 (88). — С. 3–11.
4. Knowledge Sharing Behavior in Virtual Communities: The Relationship between Trust, Self-Efficacy, and Outcome Expectations / M.-H. Hsu, T.L. Ju, C.-H. Yen, C.-M. Chang // International Journal of Human Computer Studies. — 2007. — Vol. 65, iss. 2. — P. 153–169.
5. Рожкова Д.Ю. Цифровая платформенная экономика: определение и принципы функционирования / Д.Ю. Рожкова // Управление экономическими системами. — 2017. — № 10 (104). — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30318536>.
6. Степнов И.М. Платформенный капитализм как источник формирования сверхприбыли цифровыми рантье / И.М. Степнов, Ю.А. Ковальчук. — DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-107-124 // Вестник МГИМО-Университета. — 2018. — № 4 (61). — С. 107–124.
7. Исраилова Э.А. О роли государства в регулировании деятельности платформенных компаний на примере Китайской Народной Республики / Э.А. Исраилова, М.М. Баланова // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2020. — № 2 (70). — С. 192–199.
8. Смирнов Е.Н. Императивы управления глобальными цифровыми платформами / Е.Н. Смирнов, С.А. Лукьянов. — DOI 10.29141/2218-5003-2020-11-4-5 // Управленец. — 2020. — Т. 11, № 4. — С. 59–69.
9. Ализаде В.А. Судебная практика применения ст. 174¹ УК РФ по делам о наркопреступлениях, совершенных с использованием криптовалюты / В.А. Ализаде, А.Г. Волеводз. — DOI 10.18572/2072-4160-2017-4-8-14 // Наркоконтроль. — 2017. — № 4. — С. 8–14.
10. Who sells what? Country Specific Differences in Substance Availability on the Agora Cryptomarket / J.V. Buskirk, S. Naicker, A. Roxburgh, R. Bruno. — DOI 10.1016/j.drugpo.2016.07.004 // International Journal of Drug Policy. — 2016. — No. 35. — P. 16–23.
11. Смолин С.В. Уголовно-правовая борьба с высокотехнологичными способами и средствами совершения преступлений / С.В. Смолин // Уголовное право. — 2014. — № 4. — С. 62–68.
12. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса / А.И. Коробеев. — Москва : Юрлитинформ, 2019. — 352 с.
13. Плаксина Т.А. Основания уголовно-правовых норм, уголовно-правового запрета, криминализации: понятие и соотношение / Т.А. Плаксина // Государство и право. — 2006. — № 5. — С. 41–47.
14. Орлеан А.М. Теоретические основы исследования оснований и принципов криминализации конкретного деяния / А.М. Орлеан // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. — 2013. — № 3 (14). — С. 28–31.
15. Габидуллин Э.С. Социальная обусловленность как основание уголовно-правового запрета / Э.С. Габидуллин // Журнал правовых и экономических исследований. — 2017. — № 4. — С. 32–37.
16. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2008. — Т. 1 : Преступление и наказание. — 1131 с.
17. Харт Г.Л.А. Право, свобода и мораль / Г.Л.А. Харт ; пер. с англ. С. Моисеева. — Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. — 136 с.
18. Левченко В.Ю. Юридические и социально-психологические основания криминализации / В.Ю. Левченко // Общество: политика, экономика, право. — 2009. — № 1-2. — С. 47–52.
19. Тимофеев С.В. Особенности предупреждения сбыта наркотиков, осуществляемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / С.В. Тимофеев. — DOI 10.24411/2312-3184-2020-10019 // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2020. — № 1 (92). — С. 192–199.
20. Дремлюга Р.И. Незаконный оборот наркотиков и крипторынки: угрозы и вызовы правоохранителю / Р.И. Дремлюга. — DOI 10.18572/2072-4160-2018-2-33-38 // Наркоконтроль. — 2018. — № 2. — С. 33–38.

21. Романова Л.И. Преступный мир Darknet / Л.И. Романова, Р.И. Дремлюга. — DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-1-52-60 // Юридическая наука и практика. — 2018. — Т. 14, № 1. — С. 52–60.
22. Мазур А.А. Актуальные проблемы предупреждения преступности в социальной сети Даркнет / А.А. Мазур // Вестник Российского университета кооперации. — 2018. — № 3 (33). — С. 125–129.
23. Masson K. 'Nice People Doing Shady Things': Drugs and the Morality of Exchange in the Darknet Cryptomarkets / K. Masson, A. Bancroft. — DOI 10.1016/j.drugpo.2018.05.008 // International Journal of Drug Policy. — 2018. — Vol. 58. — P. 78–84.
24. Martin J. Drugs on the Dark Net: How Cryptomarkets Are Transforming the Global Trade in Illicit Drugs / J. Martin. — New York : Palgrave Macmillan, 2014. — 100 p.
25. Aldridge J. Does Online Anonymity Boost Illegal Market Trading? / J. Aldridge. — DOI 10.1177/0163443719842075 // Media Culture and Society. — 2019. — Vol. 41, no. 4. — P. 578–583.
26. Тимошенко Ю.А. Общественное мнение и криминализация экологических правонарушений / Ю.А. Тимошенко // Российский журнал правовых исследований. — 2016. — Т. 3, № 4 (9). — С. 104–107.
27. Шарапов Р.Д. Соучастие в преступлении: закон, теория, практика / Р.Д. Шарапов. — DOI 10.17803/1729-5920.2016.119.10.105-115 // Lex Russica. — 2016. — № 10 (119). — С. 105–115.

REFERENCES

1. Jin D.Y. The Construction of Platform Imperialism in the Globalization Era. *Triple C: Communication, Capitalism & Critique*, 2013, vol. 11, no. 1, pp. 145–172. DOI: 10.31269/triplec.v11i1.458.
2. Poell T., Nieborg D., Dijck J. van. Platformisation. *Internet Policy Review*, 2019, vol. 8, iss. 4, pp. 1–13. DOI: 10.14763/2019.4.1425.
3. Kharitonova Yu.S. Platformization of Justice: China's Experience and the Future of the World's Judicial Systems. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki = Bulletin of Arbitrary Practice*, 2020, no. 3, pp. 3–11. (In Russian).
4. Hsu M.-H., Ju T.L., Yen C.-H., Chang C.-M. Knowledge Sharing Behavior in Virtual Communities: The Relationship between Trust, Self-Efficacy, and Outcome Expectations. *International Journal of Human Computer Studies*, 2007, vol. 65, iss. 2, pp. 153–169.
5. Rozhkova D.Yu. Digital Platform Economy: Definition and Principles of Functioning. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami = Management of Economic Systems*, 2017, no. 10. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30318536>. (In Russian).
6. Stepnov I.M., Kovalchuk Ju.A. Platform Capitalism as a Source of Digital Rentier's Superprofit. *Vestnik MGIMO-Universiteta = Vestnik MGIMO-University*, 2018, no. 4, pp. 107–124. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-107-124.
7. Israilova E.A., Balanova M.M. On the Role of State in Regulation of Platform Companies' Activities on Example of Public Republic of China. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Vestnik of Rostov State University*, 2020, no. 2, pp. 192–199. (In Russian).
8. Smirnov E.N., Lukyanov S.A. Imperatives of Global Digital Platform Management. *Upravlenets = The Manager*, 2020, vol. 11, no. 4, pp. 59–69. (In Russian). DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-4-5.
9. Alizade V.A., Volevodz A.G. Judicial Practice of Application of Article 174¹ of the Criminal Code of the Russian Federation in Cases of Drug-Related Crimes Involving Cryptocurrency Use. *Narkokontrol' = Narkokontrol*, 2017, no. 4, pp. 8–14. (In Russian). DOI: 10.18572/2072-4160-2017-4-8-14.
10. Buskirk J.V., Naicker S., Roxburgh A., Bruno R. Who Sells What? Country Specific Differences in Substance Availability on the Agora Cryptomarket. *International Journal of Drug Policy*, 2016, no. 35, pp. 16–23. DOI: 10.1016/j.drugpo.2016.07.004.
11. Smolin S.V. The Fight against High-Tech Means and Tools of Commission of Crimes under Criminal Law. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2014, no. 4, pp. 62–68. (In Russian).
12. Korobeev A.I. *The Criminal Law Policy of Russia: from Genesis to Crisis*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 352 p.
13. Plaksina T.A. The Grounds of Criminal and Legal Norms, Criminal and Legal Prohibition, Criminalization: the Notion and Interaction. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2006, no. 5, pp. 41–47. (In Russian).
14. Orlean A.M. The Oretical Bases of Research of Criteria for Criminalization. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*, 2013, no. 3, pp. 28–31. (In Russian).
15. Gabidullin E.C. Social Conditionality as the Basis for Penal Prohibition. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy = Journal of Legal and Economic Studies*, 2017, no. 4, pp. 32–37. (In Russian).
16. Korobeev A.I. (ed.). *A Complete Course in Criminal Law*. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentri Press Publ., 2008. Vol. 1. 1133 p.
17. Hart H.L.A. *Law, Liberty, and Morality*. Stanford University Press, 1963. 88 p. (Russ. ed.: Hart H.L.A. *Law, Liberty, and Morality*. Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 2020. 136 p.).
18. Levchenko V.Yu. Legal and Socio-Psychological Grounds for Criminalization. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law*, 2009, no. 1-2, pp. 47–52. (In Russian).
19. Timofeev S.V. Features of Preventing the Sale of Drugs Using Information and Telecommunication Technologies. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2020, no. 1, pp. 192–199. (In Russian). DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10019.
20. Dremlyuga R.I. Illicit Drug Trafficking and Cryptomarkets: Hazards and Challenges for a Law Enforcer. *Narkokontrol' = Narco-control*, 2018, no. 2, pp. 33–38. (In Russian). DOI: 10.18572/2072-4160-2018-2-33-38.
21. Romanova L.I., Dremlyuga R.I. Crime World of Darknet. *Yuridicheskaya nauka i praktika = Legal Science and Practical*, 2018, vol. 14, no. 1, pp. 52–60. (In Russian). DOI: 10.25205/2542-0410-2017-14-1-52-60.
22. Mazur A.A. Actual Problems of Crime Prevention in Social Network Darknet. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Vestnik of the Russian University of Cooperation*, 2018, no. 3, pp. 125–129. (In Russian).
23. Masson K., Bancroft A. 'Nice People Doing Shady Things': Drugs and the Morality of Exchange in the Darknet Cryptomarkets. *International Journal of Drug Policy*, 2018, vol. 58, pp. 78–84. DOI: 10.1016/j.drugpo.2018.05.008.

24. Martin J. *Drugs on the Dark Net: How Cryptomarkets are Transforming the Global Trade in Illicit Drugs*. New York, Palgrave Macmillan, 2014. 100 p.
25. Aldridge J. Does Online Anonymity Boost Illegal Market Trading? *Media Culture and Society*, 2019, vol. 41, no. 4, pp. 578–583. DOI: 10.1177/0163443719842075.
26. Tymoshenko Yu.A. Public Opinion and the Criminalization of Environmental Offenses. *Rossiiskii zhurnal pravovyykh issledovaniy = Russian Journal of Legal Studies*, 2016, vol. 3, no. 4, pp. 104–107. (In Russian).
27. Sharapov R.D. Complicity in Crime: Law, Theory, Practice. *Lex Russica*, 2016, no. 10, pp. 105–115. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2016.119.10.105-115.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дремлюга Роман Игоревич — доцент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, кандидат юридических наук, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: dremluga.ri@dvfu.ru.

Коробеев Александр Иванович — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: akorobeev@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дремлюга Р.И. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия платформизации преступной деятельности / Р.И. Дремлюга, А.И. Коробеев. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(1).47-56 // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 1. — С. 47–56.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dremluga, Roman I. — Ass. Professor, Law School, Far Eastern Federal University, Ph.D. in Law, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: dremluga.ri@dvfu.ru.

Korobeev, Alexander I. — Head, Chair of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: akorobeev@rambler.ru.

FOR CITATION

Dremluga R.I., Korobeev A.I. Criminal law policy in counteracting the use of networking platforms for criminal activity. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 47–56. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(1).47-56.